

Иногда они переводятся

Д.И. Ермолович

В жизни переводчика бывают приятные моменты. Среди таковых я бы отметил маленькие переводческие открытия и находки. Иной раз попадаете тебе слово или выражение, которое столь неординарно или таким множеством ассоциативных нитей связано с родной языковой почвой, что ты думаешь: нет, адекватно передать его на другом языке совершенно невозможно. Листаешь словари, ищешь в Интернете — и либо не находишь ничего, либо находишь нечто столь бледное, дословное или вымученно-описательное, что ещё сильнее убеждаешься в непереводаемости интересной идиомы. Ты уже вроде бы смирился с этой мыслью, но проходит время, и неожиданно выясняется, что в иностранном языке у этого оборота всё-таки есть лаконичный и образный аналог, который так и просится в словари и переводы.

Некоторыми из таких находок из области русско-английского и немного англо-русского перевода я хочу поделиться в этой статье.

Ушла на базу

О, сколько ассоциаций связано с текстом этого нехитрого объявления! Оно, правда, относится больше к советскому прошлому, чем к сегодняшним дням, поэтому дам кое-какие пояснения тем читателям, для кого советская эпоха столь же далёка и туманна, что и монгольское иго. Такое объявление когда-то можно было видеть на ларьках и палатках, торгующих мороженым, овощами, кондитерскими изделиями, галантереей, цветами или сигаретами. Оно объясняло, почему ларёк за-

крыт в часы, когда должен был бы работать. Ведь товар в ларьки доставлялся с так называемых торгово-розничных баз, а стало быть, если у продавца есть дела на такой базе (например, получить новую партию), то у него есть уважительная причина для отсутствия на рабочем месте.

Я написал «продавца», но вообще-то в советских палатках торговали не продавцы, а почти исключительно продавщицы, отсюда и глагольная форма *ушла*. («Ушёл на базу» даже как-то не звучит). Почти во всех ларьках такое объявление было заранее нацарапано карандашом или ручкой на куске картона, неровно оторванном от упаковки с мылом или мороженым, и выставлялось за окошком при любом случае, когда продавщице требовалось на какое-то время отлучиться или вообще уйти.

Понятное дело, что удобным поводом отлучки «на базу» было легко злоупотребить. Покупатели, перед носом которых выставлялось такое объявление, кляли советскую торговлю на чём свет стоит, потому что (в отличие от нынешних времён) палатки, торгующие аналогичным товаром, were few and far between¹. Так что, если в начале 1960-х годов вы спешили к галатерейному киоску у Сретенского бульвара Москвы, торгующему эластичными носками, только что освоенными советской лёгкой промышленностью, а там вас встречало объявление «Ушла на базу», то шансов купить эту роскошь обихода где-нибудь в том же районе и в тот же день у вас уже не было.

¹ Были немногочисленны и находились далеко друг от друга (*англ.*)

Вот почему нерадивые продавщицы, составляющие в ларьках такое объявление, были постоянной мишенью для сатирических стрел в фельетонах, карикатурах, эстрадных скетчах и кинокомедиях (впрочем, без всякого ущерба для себя). А само выражение «Ушла на базу» обросло мощными ироническими коннотациями.

Теперь тест русско-английским переводчиком: а как бы вы перевели это выражение на английский язык? Если всерьёз хотите попробовать выполнить этот тест, не читайте дальше статью, пока не переведёте. И вообще, лучше закройте журнал, а то ваш взгляд скользнёт ниже, вы увидите мой вариант и вам станет неинтересно.

Лично мне объявление «Ушла на базу» было знакомо с детства, то есть с 1950-х годов. Значительно позднее, уже став переводчиком, я неоднократно думал о том, как бы его можно было перевести на английский, хотя практически такой потребности у меня ни разу не возникало. И слава Богу, что не возникало, потому что — признаюсь — я не мог придумать никакого мало-мальски приемлемого соответствия этой фразе, даже описательного.

Стоит ли добавлять, что этого выражения не было ни в одном русско-английском словаре? И до сих пор нет — за одним исключением, о котором чуть ниже.

И вот, много лет спустя — в самом начале 1990-х годов, когда уже трещал по швам Советский Союз, а вместе с ним загибалась и советская торговля, продавцам которой уже нечего было делать ни в киосках, ни на базах в связи с тотальным дефицитом товаров, — я, прогуливаясь, по улочкам Нью-Йорка, неожиданно наткнулся на торговую лавку, где за дверным стеклом виднелся неровный кусок картона, оторванный от упаковки со «сникерсами», на котором корявым почерком было нацарапано: OUT FOR RESTOCKING.

Вот оно, «Ушла на базу»! Всё-таки человеческая природа едина, что в России, что в Америке. Правда, видел я такое объявление только один раз и склонен полагать, что продавец его написал не от желания бросить

рабочее место, а потому что действительно некому было, кроме него, бедолаги, отправиться «на базу» за товаром. Как бы то ни было, я считаю эту фразу своим маленьким, но очень приятным переводческим открытием.

Само собой, составляя «Новый большой русско-английский словарь» (Изд. «Русский язык—Медиа», 2004; 2-е изд. — 2006), я не смог отказать себе в удовольствии включить в него эту лексическую находку. А поскольку НБРАС был включен и в словарный комплекс Lingvo 12-й версии (где он фигурирует под названием Universal Ru-En), то её можно найти и там.

Сейчас другие времена, и выражение «Ушла на базу», конечно, не так актуально, как когда-то. Но кто знает! Старые привычки живучи и, как говорится, «иногда они возвращаются». Недавно, зайдя в один торговый комплекс, я заметил на дверях нескольких лавок бумажки с надписью: «Буду через 15 минут». А это объявление мне тоже знакомо с детства...

Великая сермяжная правда

Отмечая несколько лет назад круглую дату, я решил собрать вместе родных, друзей и коллег. Среди гостей, естественно, было много лингвистов — преподавателей и переводчиков. Однако председательствовал за праздничным столом мой друг, который не связан с языком и переводом по своему образованию и роду деятельности. Тем не менее в своей речи он решил поговорить на эту тему и обратился к аудитории с такими словами:

— Дорогие гости, большинство из вас занимаются переводом. Но всё ли можно перевести? Вот скажите мне, к примеру, как можно перевести на английский выражение «великая сермяжная правда»?

И действительно, таким уж русским духом веет от этой «великой сермяжной правды», что кажется: адекватного эквивалента для неё в других языках нет и быть не может.

Но, как вы, вероятно, догадываетесь, я потому и пишу об этом выражении в этой статье, что такой эквивалент есть! И причём очень близкий семантически. Однако сначала вникнем поглубже в истоки русского оборота.

Словарь «Крылатые слова» Н.С. и М.Г. Ашукиных (изд. 4-е. М., 1987) приводит это выражение в варианте «сермяжная правда» и указывает в качестве его источника 33-ю главу романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931). Там оно действительно есть, однако справка не совсем точная. Впервые данное выражение употреблено не в 33-й, а гораздо раньше – в 13-й главе романа, озаглавленной «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции». В процессе экзекуции, устроенной Лоханкину соседями по Вороньей слободке за невыключенное в туалете электричество, к нему является Остап Бендер. Соседи прекращают порку и отпускают Лоханкина на беседу с посетителем.

Остап интересуется возможностью снять комнату и спрашивает Васисуалия о соседях. Тот отзывается о них самым благоприятным образом. На это Бендер замечает:

— Но ведь они, кажется, ввели здесь телесные наказания?

— Ах, — сказал Лоханкин проникновенно, — ведь в конце концов кто знает? Может быть, так надо. Может быть, именно в этом **великая сермяжная правда**.

— Сермяжная? — задумчиво повторил Бендер. — Она же посконная, домотканая и кондовая? Так, так. В общем, скажите, из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?

Из реакции Бендера на слова Лоханкина следует, что Остап слышит такое выражение впервые, но совершенно правильно воспринимает его смысл, подтверждая своё понимание слова *сермяжная* синонимическим рядом прилагательных — *посконная*, *домотканая* и *кондовая*. В дальнейшем мы слышим эту фразу уже в основном из его уст. Всего сочетание *сермяжная правда* встречается в «Золотом теленке» пять раз, в том числе три раза — с эпитетом *великая*.

Итак, выражение (*великая*) *сермяжная правда* стало крылатым в значении «простая и неприкрашенная, но глубокая истина или мудрость».

Так вот: в английском языке существует практически дословный эквивалент этого выражения — *homespun truth*. Слово *homespun* в функции прилагательного как раз и значит «сермяжный, домотканый», а в функции

существительного — *сермяга* («грубое домотканое полотно»). Переносное значение *homespun* трактуется американскими словарями как *plain; unpolished; unsophisticated; simple; rustic* («нехитрый, неприкрашенный, немудрящий, простой, по-деревенски грубоватый»).

Правда, прилагательное *homespun* в этом значении сочетается не только со словом *truth*, но и с другими существительными, такими как *humor, values, virtues*. Однако нас интересует именно сочетание *homespun truth*, и это выражение гораздо старше своего русского аналога. Оно впервые зафиксировано в английской сатирической балладе на политическую тему, которая была опубликована в форме листовки (*broadside*) в 30-е годы XIX века. Баллада озаглавлена “*The Juste Milieu*” с использованием французского выражения в значении «золотая середина», «нечто среднее, неопределённое». Так анонимный автор назвал уклончивый и лукавый язык политиков того времени, которые не хотели давать прямые ответы на актуальные вопросы. Вот начальная строфа баллады:

The juste milieu, the juste milieu,
From France imported neat and new,
Is now the rule on Britain's shore,
And **homespun truth** is prized no more!
Where once you saw the old true blue,
You now have got the juste milieu.

Из этого текста ясно, что автор политической сатиры осуждает тактику *juste milieu* и прямо противопоставляет её понятию *homespun truth*, подразумевая под ним бесхитростную, незавуалированную истину и прямоту.

А что же словари? Соответствие *сермяжная правда* — *homespun truth* в общих русско-английских словарях до недавнего времени отсутствовало, и я, разумеется, включил его в «Новый большой русско-английский словарь» (2004), добавив ещё эпитет *великая* (*great*). По этой причине оно попало и в словарный комплекс *Lingvo 12*.

Однако лексикографическая пальма первенства в данном случае принадлежит другому источнику, а именно небольшому специализированному «Русско-английскому

словарю крылатых слов» И.А. Уолш и В.П. Беркова, 1-е издание которого вышло ещё в 1971 г. Впрочем, этот словарь, хотя и переиздавался, по-видимому, остаётся на периферии внимания переводчиков, так как до сих пор, насколько известно, не переведён в электронный формат.

Английское словосочетание имеет некоторое стилистическое отличие от русского: оно гораздо чаще несёт в себе позитивную оценочность. Однако это не мешает использованию выражения *homespun truth* как эквивалента *сермяжной правды* в переводе, поскольку ирония обычно успешно передаётся сопутствующим контекстом.

Хотя в словаре И.А. Уолш и В.П. Беркова утверждается, что *сермяжная правда* всегда употребляется иронически, эту иронию не следует возводить в абсолют. Существуют оригинальные русские контексты, где выражение *сермяжная правда* использовано с позитивной оценкой. К таковым относится, например, следующий фрагмент из романа А.И. Солженицына «В круге первом» (глава 66):

Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли «хождением в народ» и поисками той самой **великой сермяжной правды**, которую ещё до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин.

Поиск по лингвистическим корпусам показал, что в оригинальных англоязычных текстах *homespun truth* обычно встречается без дополнительных эпитетов. Однако, если надо перевести *великая сермяжная правда*, ничто не мешает добавить в переводе прилагательное *great*.

Не перестаю удивляться этому замечательному соответствию: *сермяжная правда* — *homespun truth*. Русское и английское выражения возникли из совершенно разного «теста», в совершенно разные эпохи и в различных контекстах, вызывающих непохожие ассоциации. Но, несмотря на всё это, они и по своему смыслу, и по этимологии практически совпали. Ну разве не приятная находка для переводчика?

Любэвь, любэвник

Слова *любэвь* нет в словарях, и вряд ли оно там окажется. Это не слово даже, а его искажённый вариант, и по строго научным лексикографическим критериям он не подходит для включения в обычный словарь.

Вообще намеренная фонетическая модификация слова в целях достижения какого-либо смыслового или стилистического эффекта — очень интересный феномен. Я не исследовал специально соответствующую лингвистическую литературу и, возможно, ошибаюсь, но всё-таки подозреваю, что это явление изучено пока недостаточно хорошо.

А изучать есть что. Вспоминается гениальный дуэт Веры Петровны Марецкой и Ростислава Яновича Плятта в постановке сатирической комедии Бранислава Нушича «Госпожа министерша». (Хотя эта пьеса была поставлена в Московском театре имени Моссовета ещё в 1946 году, фрагменты спектакля были, к счастью, записаны на плёнку, и их до сих пор иногда показывают по телевидению).

Р.Я. Плятт и В.П. Марецкая в спектакле «Госпожа министерша» театра им. Моссовета (1946)

Игра Марецкой и Плятта в этой комедии интересна, кроме прочего, тем, с каким эффектом актёры используют приём фонетической игры. По сюжету, простоватая Живка Попович (героиня Марецкой) неожиданно оказалась важной госпожой, и министерский

чиновник Нинкович (герой Плятта) просвещает её о том, как не ударить в грязь лицом в высшем обществе. Он самоуверен и гротескно пересыпает свою речь французскими оборотами.

Р.Я. Плятт в роли Нинковича в спектакле «Госпожа министрша» театра им. Моссовета (1946). Фото из «Театральной энциклопедии» (т. IV, М., 1965)

В этой роли Плятт не только грассирует и гнусавит на французский манер, но и забавно произносит слова *общество* и *любовник*. Звук [о] в этих словах напоминает у него долгий французский [œ], но за неимением соответствующей графемы в русском языке условно обозначим этот звук в цитате буквой э:

[Нинкович:] Уверю вас, мадам, что дама из высшего **эбщества** должна играть в бридж, курить и иметь **любэвника**.

Этой произносительной манере своего «консультанта» пытается подражать героиня Марецкой, потрясённая такими откровениями:

[Живка:] Мать честная! Ладно, бридж и курение – это ещё куда ни шло, но **любэвника** – это уж вы извините!

Я даже затрудняюсь точно охарактеризовать тот нюанс, который создаёт такая звуковая замена. Могу сказать лишь, что это звучит уморительно смешно.

От слова *любэвник* вернёмся к слову *любэвь*. Это словечко особенно памятно по знаменитому сатирическому очерку Юлиана Тувима «Несколько слов касательно оперетты» (1924):

«...старую идиотку оперетту надлежит прикончить... – всегда, вечно одно и то же: графы, финшампань, гульба, "**любэвь**", демонические героини,

дуэтик, балетик, кабинетик..., очаровательное недо-разумение (скажем, отец не узнаёт дочку, поскольку та в новых перчатках; целующаяся пара не замечает входящего в комнату полка тяжелой артиллерии и т.д.)».

Здесь функция фонетического искажения видна абсолютно чётко – это ирония. *Любэвь* – уже не любовь, а издевательская пародия на неё. Этот блистательный русский перевод, впервые опубликованный в 1975 году, принадлежит Асару Эппелю.

Мне захотелось проверить, чему же соответствует эта *любэвь* в польском оригинале. Ищем авторский текст Тувима и читаем там:

...wszedzie wiecznie to samo: grafy, szampiter, hulba, "miłość" demoniczne bohaterki, duecik, balecik, gabinecik...

Итак, в оригинале – *miłość* («любовь»), совершенно нейтральное слово без каких-либо фонетических модификаций. Однако оно поставлено в кавычки, что свидетельствует об иронии автора. Ясно, что А. Эппель добавил букву э от себя ради того же эффекта. Он идеально точно попал в общую авторскую интонацию, и этой находке можно только аплодировать.

Сама мысль о том, что такую фонетическую игру можно как-то передать, скажем, по-английски, долгое время казалась мне нелепой. Однако в начале 2000-х годов я услышал из уст знакомой англичанки словечко **lurve**. Оказалось, что это не какой-то окказионализм, а весьма популярное слово.

Впервые оно прозвучало в фильме Вуди Аллена «Энни Холл» (1977). Элви Сингер (персонаж Аллена) пытается объяснить Энни Холл (эту роль исполняет Диана Китон) свои чувства:

ALVY: I know you've only known me a short while.

ANNIE: Well, I certainly ... I think that's very– Yeah, yeah ... (Laughing) yeah. Do you love me?

ALVY: I – uh, love is, uh, is too weak a word for what...

ANNIE: Yeah.

ALVY: I ... I love you. (Over Annie's laughter) You know I **lurve** you, I – I **luff** you. I – I have to invent– Of course I love you.

Лично мне кажется, что, искажая love на разные лады, Вуди Аллен в этом фильме

В. Аллен и Д. Китон в фильме «Энни Холл» (1977)

просто хохмит, чтобы развеселить свою собеседницу, и не вкладывает в *lurve* никакого глубинного значения. Однако после этого фильма слово *lurve* стало очень популярным и зажило собственной жизнью. В него стали вкладывать разные смыслы. Например, в *Urban Dictionary* – «народном» словаре американского городского жаргона (www.urbandictionary.com) – приводятся такие, довольно противоречивые его трактовки:

1. A heightened term to suggest more-than-love (эмоционально заряженное слово, обозначающее более сильное чувство, чем любовь)

2. A funny word to use when love sounds too mushy (шутливое слово, используемое, когда «любовь» звучит слишком напыщенно).

Честно говоря, первое «значение» кажется мне надуманным. Во всяком случае, Интернет-поиск не дал мне ни одного контекста, где *lurve* всерьёз употреблялось бы для обозначения некоего сильного чувства. А вот шутливых, иронических и неодобрительных контекстов – сколько угодно. Многие даже осуждают использование этого слова как принижающего понятие «любовь». Вот мнение одного из противников, взятое мною из дискуссии в Интернете:

Lurve sounds like something that would come out of someone's mouth when they're drunk at the bar and hitting on the girl beside them... "I think I – hiccup – lurrve you...Come home with me?" (*Lurve* звучит как слово из уст пьяного за стойкой бара, который при-

стает к сидящей рядом девице: «Кажется, у меня к вам (икает) *любэвв*... Пойдём ко мне домой?»)

Ну что ж, всё это говорит о том, что *lurve* неплохо подходит для передачи русского *любэвв*. А если надо перевести *любэвник*, то, разумеется, это будет *lurve*.

Love handles

И ещё немного о «любви». Слово *love* вплелось в выражение *love handles* – так шутливо называют жировые складки, которые образуются у некоторых полных или неспортивных людей на боках в области поясницы. Образ, изначально заложенный в эту идиому («любовные рукоятки»), – немного хулиганский, но остроумный. Неизвестный автор этого выражения нашёл, казалось бы, бесполезным телесным складкам функциональное назначение, иронически предлагая использовать их в качестве рукояток или поручней, за которые может ухватиться партнёр(ша) по постели. Так можно обрести дополнительные точки опоры во время бурного акта интимной близости.

Выражение *love handles* распространилось в Америке к середине 1980-х годов (по данным словаря *Random House Webster's Unabridged Dictionary*). В начале нынешнего десятилетия, то есть почти двадцать лет спустя, оно попало и в отечественные англо-русские словари со следующими соответствиями: «жировые отложения по бокам на талии» (Общий англо-русский словарь – *Universal En-Ru* – комплекса *Lingvo 12*-й версии), «жировые складки на талии» (словарь *Multitran* версии 3.44). Авторы последнего словаря снабдили идиому *love handles* пометами *сленг* и *табу* – вероятно, под впечатлением от её смелой образности, – но на самом деле она никогда не принадлежала к табуированной фразеологии, да и сленгом давно перестала быть. Например, её можно услышать во вполне уважаемых видеокурсах физических упражнений.

Однако разговорность и весёлая образность этой идиомы никуда не делись, и понятно, что приведённые выше описательные соответствия слабоваты тем, что лишены

этих свойств. В «Новом англо-русском словаре современной разговорной лексики» С.А. Глазунова, также включённом в комплекс Lingvo 12, есть пример перевода выражения *love handles* в контексте:

I wish I could get rid of these love handles. — Я хотел бы сбросить немного жира.

К сожалению, приходится констатировать, что в таком переводе теряется не только образность, но и смысл выражения *love handles*: ведь в оригинале говорящего беспокоит не жир вообще, а именно складки на поясище, которые могут портить неплохую в остальном фигуру.

Итак, для словосочетания *love handles* русские словари не подсказывают соответствия столь же ёмкого, образного, разговорного и ироничного.

Однако на самом деле выражение, обладающее всеми этими качествами и при этом точно соответствующее идиоме *love handles* по предметному значению, существует и в русском языке. Другое дело, что оно не имеет такой же распространённости и является не идиомой, а скорее авторской метафорой и поэтому не может считаться стопроцентным эквивалентом. Однако мне оно однажды очень пригодилось, и ниже я об этом расскажу.

Но сначала небольшое отступление, в котором мне хочется вспомнить самого автора метафоры, о которой пойдёт речь. Им был

А.М. Михалев (1944–1994), выдающийся переводчик и автор ряда лексических новаций в русском языке

ныне покойный Алексей Михайлович Михалёв (1944–1994) — киносинхронист, литературный редактор и художественный переводчик с английского и фарси, член Союза писателей СССР. В 70–80-е годы прошлого века голос Алексея стал знаком самым широким кругам населения, поскольку он был автором и диктором закадрового русского перевода множества иностранных фильмов.

В те годы советские люди стали обзаводиться видеомагнитофонами — кто покупал их в комиссионных магазинах, а кто и привозил из-за границы. Это породило спрос на видеокассеты с фильмами. Официально в магазинах такой товар не продавался. Нашлись, разумеется, нелегальные предприниматели (а легально тогда заниматься этим было нельзя), которые наладили завоз в СССР голливудской продукции, копировали фильмы на кассеты в сотнях экземпляров и продавали счастливым владельцам видеомагнитофонов. Однако простым гражданам, не искушённым в иностранных языках, для просмотра фильмов требовался русский перевод, и эту работу упомянутые дельцы заказывали профессиональным синхронистам.

подавляющее большинство этих заказов выполнялось всего лишь четырьмя переводчиками, среди которых был и Алексей Михалёв. Главная причина того, что кинопереводчиков было так мало, состояла в том, что для наложения перевода на оригинальную звуковую дорожку фильма требовалась качественная полупрофессиональная звукозаписывающая аппаратура, а ею в те годы обладали немногие. Автору этих строк, например, тоже доводилось тогда выполнять заказы на перевод фильмов, но видеомагнитофона нужного типа у меня не было, и для записи перевода приходилось ездить на квартиру к заказчику. Так как я никогда не переводил с ходу, а сначала смотрел весь фильм, да и в процессе записи нередко останавливался и переделывал надиктованное, это отнимало слишком много времени и создавало неудобства и заказчику, и мне. Поэтому, сделав перевод примерно десятка картин, я отказался от этой работы в пользу обычного синхронного перевода конференций.

А у Михалёва и ещё нескольких синхронистов необходимая аппаратура была дома, так что можно себе представить, какой огромный поток заказов на них обрушился. Некоторые переводчики поставили дело на конвейер: они лихо диктовали свой текст без предварительного просмотра фильма и без последующих корректировок сделанной записи. Неудивительно, что многие такие «переводы» были, извините, лажей с огромным количеством грубых смысловых ошибок и пропусков, логических несуразностей, буквализмов, корявостей и перевернутых имён.

Переводы Алексея выгодно отличались от других в высшей степени ответственным подходом. Будучи превосходным художественным переводчиком, он не мог позволить себе халтуры и в переводе кино. Кстати, помимо этой полуполюгальной работы, он вполне официально сотрудничал с Госкино и Союзом кинематографистов, работая на всех советских кинофестивалях и множестве закрытых кинопросмотров. Я до сих пор удивляюсь тому, как он умудрялся делать так много переводов к фильмам и в то же время не ронять их качество. Класс Михалёва как переводчика был столь высок, что его фамилия — редчайший случай — стала известна многим киноманам. Сформировалось даже сообщество любителей кино, которые специально выискивают и коллекционируют фильмы с его переводом.

Мы с Алексеем жили рядом. Я познакомился и подружился с ним (а это было в 1972 году) отнюдь не на почве лингвистики и перевода. Лишь потом выяснилось, что у нас ещё и общая профессия. Лёша в совершенстве владел абсолютно всеми регистрами русской речи — от высокой до ненормативной — и был очень остёр на язык. Это ему особенно пригодилось при переводе американских фильмов с обилием сниженной лексики.

Михалёв не стеснялся — где этого требовал материал — не слишком литературных слов, но никогда не опускался в переводе до собственно мата. Если его коллеги при передаче английских бранных выражений подчас не могли придумать ничего лучшего, чем убогое «мать твою», он виртуозно находил, а

иногда и изобретал не грязные, но очень сочные эквиваленты для ругательств оригинала. Например, Михалёву принадлежит авторство соответствия *перепихнуться* для английского вульгаризма f**k, которое он впервые применил в своём переводе фильма «Греческая смоковница».

Алексей Михалёв был автором и того выражения, которым я сейчас поделюсь с читателями. Лёша следил за своей физической формой и как-то показал мне упражнение, предназначенное для того, чтобы избежать образования складок на поясице. «Важно, чтобы на боках, — добавил он, — не вырастали *от ж**ы уши*».

Меня тогда очень позабавила эта метафора. Да, она немного хулиганская, но очень смешная, поражающая необычной образной ассоциацией. Больше я ни от кого такого выражения не слышал, но оно мне пригодилось в переводческой практике, и сейчас я расскажу, как.

В начале 1990-х годов я поехал в Соединённые Штаты переводчиком с группой чиновников. Руководителем группы был начальник небольшого министерского отдела, назовём его Роман Цюрупа. Этот деятель доставил мне немало неприятных минут. Не буду входить во все детали, упомяну лишь одну: он взял у меня займы пятьдесят долларов «до завтра» и потом никак не хотел их отдавать. Безрезультатно прождав несколько дней, я вынужден был напомнить ему о долге. В ответ

Роман с улыбкой похлопал меня по плечу: «Ишь, как переживает за свой полтинник. Да не переживай ты, куда твои денежки не денутся!». Позднее другие члены делегации просветили меня, что я поступил опрометчиво, одолжив Роману деньги: если ему в карман попала чужая копейка, у неё уже не было ни малейшего шанса вернуться к хозяину. (Сегодня этот скромный министерский чиновник превратился в крупного капиталиста).

Так что у меня были основания держать зуб на Цюрупу. И в один прекрасный день мне представился случай для мщения. Группа ехала на экскурсию, в которой нашим гидом была Катя, весёлая и раскованная американка чешского происхождения, бойко говорившая по-русски. Когда члены делегации погрузились в микроавтобус, Роман плюхнулся на переднее сиденье рядом с Катей, лицом к остальным. У плотного Романа были очень заметные припухлости на поясище, проступавшие даже через рубашку. Разбитная Катя, недолго думая, ухватила его за эти припухлости и громко объявила: «Ого, какие у вас... мы это называем love handles! — а затем добавила, обращаясь уже ко мне: — Как это будет по-русски?»

Вот тут-то мне и пригодился оборот, подаренный незабвенным Лёшей Михалёвым. Правда, из деликатности я не решился употребить слово на букву *ж*, но сказал громким, хотя и нарочито бесстрастным переводческим голосом:

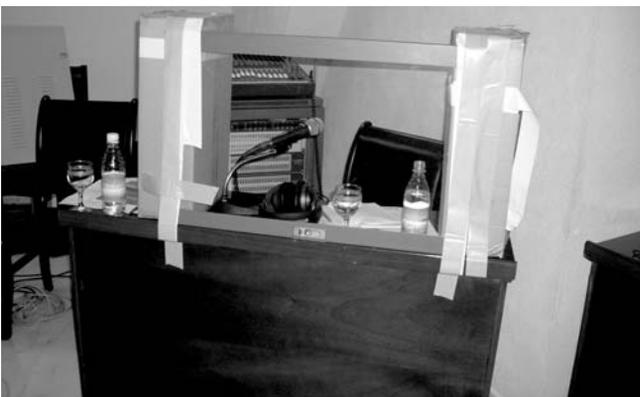
— Это называется *от мягкого места уши*.

Через долю секунды, в течение которой группа осмысляла услышанное, чиновники дружно, во весь голос заржали, а потом ещё долго не могли успокоиться. Цюрупа покрылся багровыми пятнами и не знал, что сказать. Даже Катя немного оторопела — она, во-первых, не ожидала такой бурной реакции, а во-вторых, по-моему, не поняла смысла моих слов (всё-таки русский язык не был для неё родным). Я же, сохраняя на лице маску безразличия, внутренне упивался произведённым эффектом и с благодарностью вспоминал Лёшу. Не зря, дорогой Лёша, ты был членом Союза писателей! Твоё меткое словцо оказалось по достоинству оценено аудиторией.

Но это ещё не всё. Цюрупа оказался настолько выбит из колеи утренним инцидентом (ему страшно не нравилось, когда над ним смеются), что весь день ходил как потевший и допустил большую оплошность. Он попросил меня разменять для него купюру в сто долларов. Я с удовольствием сделал это и отдал ему из двух пятидесятидолларовых бумажек только одну, за вычетом долга. Багровое до того лицо Цюрупы на этот раз посерело. Так «уши от мягкого места» помогли мне вернуть свои деньги.

Ну, а теперь я дарю это выражение всем желающим. Кто знает, вдруг оно и вам пригодится в переводе!

Что бы это значило?

Эту фотографию прислал в адрес журнала один из читателей и обещал в следующем номере «Мостов» рассказать историю появления этого снимка. А пока мы объявляем конкурс на лучшую подпись к фото. Дерзайте!